

Сурдаль 19⁹_{III} 28 27 №42

Дорогие папа и мама!

Позавчера получил ваше письмо от 1-III, а вчера пришла генеральная посылка. Прежде всего, — да, шенкно прежде всего, — дорогие мои, огромное спасибо за тот фотопортретский вид Соборной площади в Одессе, который отпечатали на вашем местном почтовой бумаге. Вам не смешно? — Нет, не смешно: мне было так приятно увидеть именно это место, где в 25-й году мы поселились с вами вчерашней на Славянке, — и мне так же приятно, что это было ~~тогда~~ давно — почти три года тому назад! Правда, — что это связано с воспоминаниями! Не только вспоминаю их, но и обдумываю темной, мягкой, — особенной какой-то. Да. Спасибо, дорогие мои, за это так приятно доставленное — и потому еще большее — удовольствие.

Во-вторых, спасибо за откровенно шенкно дело. Это „спасибо“ хорошо тем, что оно еще немного напоминает меня и вас к тому моменту, когда ни вы не дожились бы до приезда сына, ни я вас — благодарить за них. Кстати, вот о чем: вы оба сомневались в том, действительно ли венские мои три книжки стоили только рубль и не больше. Дорогие, но ведь я вам писал, что это по каталогу древнерусских изданий „Изд.“, и не только не свыше рубля они мне обошлись, но даже 95 копеек. А затем, — вы оба (какое почтительное удивление! не могу себе отказать в удивительном консерватизме), вы оба заблуждались, думая, что выписанные в разных рубль, эти книжки не кажутся бы мне дорогими. Ошибаетесь, дорогие: а стоило ли их покупать?

Так я выслал им сразу 95 коп. и поэтому книжки переслались за счет издавателя. Но у меня не хватило бы даже моего карманового (отнюдь не микроэкономического) для того, чтобы выслать по переводу 15 коп., по 50, и т. д. Итак, — я прав; и вообще, моему поверить моему издательскому члену, — оно мне обманывает только тогда, когда я этого хочу — по возможности, конечно.

История с вашим предположением из-за моего молчания чрезвычайно печальна, — о других ее квалификациях я писал вам в первом письме. Но еще раз я должен повторить вот что: уверьтесь вы когда-нибудь, что я не могу не писать во-первых и что не от меня зависит непочтение вашим писем! Правда ли. Наверное, это для вас совершенно невозможная вещь, — я это понимаю, конечно.

Затем, вы меня ругаете за мой „пир“ из кислых огурцов, меду, полевничного масла и — в финале — кислого молока. А вы, мама, турки меня даже толстой и прочими „брюзгами“ (от слова „брюхо“, конечно; как „ахор“, я очень горжусь этим новым

медицинскими (в широком широком диапазоне), включая и аппендицит. Но, пожалуйста: аппендицит болят не только ошурки, а вообще семечки, орехов и прочих бернштейнских яств, — разве не так? А концы — концы с ней, у нас тут не такой климат, неподходящий для нее. Самое-же главное, это вот что: я считаю, что в некоторых случаях (очень широких, кстати) человек страдает болезнью именно тем, что он их тупенько избегает. В доказательство этого я мог бы волюнтерить целый ворох фактов и наблюдений, — но, какжется, в этом и нет нужды: медицина (настоящая, а не "профессиональная") вообще этого и не отрицает. Вот сиропиз-ка камешку. Я уверяю, что она будет на моей стороне. Но чтобы вас успокоить, обещаю вам летом этого не делать. Да и теперь точно от скуки иногда употребляю себе такую еду.

Далее, вы спрашиваете, сколько я еще рвотой черю. Нет, вы знаете, я бросаю, выпив 400 грамм. Это мало, но так как я живу от времени шилом свиное сало, то я и не чувствую нужды в ароматизации ни для этой смертной газетки. Бр-р-р, что за сукинская дружба! Если бы я был в средние века, я предположил бы Исаию Лопоме, выжего его дерских шурчек с дубовой, чейтедванья и косярами, — пыжарь еретики, заставляя их умирать ройбой черю, по 700 грамм в один прием! Я твердо уверяю, что искренно бы велюю здесь один способом.

Теперь вот еще что: действительно, перечисляя вам свой полный "инвентарный список" вещей, я забыл именно то, что я сам носю: зеленый светтер и ~~три~~ тенью шалку. Так, считая присутствующих, чего забываю самого себя посчитать, и поразились: где же еще один человек? Как будто был всё время, а сейчас не хватает. Но же прощало со мной на этот раз. Но ты, мама, пишешь о том, что вы освобождены "прочными вещами". Откуда вы его взяли? А вам еще раз пишу и категорически: вместо до будущей зимы (вернее, вместо до окончания срока) мне брюки не нужны, будут. Они мне не нужны, а то же, что есть, я крепко могу носить — мне на балы не ходить. Проблема может только появиться к концу срока — но об этом будем говорить не теперь. Летом я буду носить курочки, — и вот тут, может быть, и понадобится ваша помощь, да что я еще обдумываю, может быть сам собою из чего выйдет. Дорогие мои, это "серьезно и категорически". И прошу вас не сочинять "проблем" — мир и так полон ими, на горе бедным людям, дорогие мои. Если я в чемнибудь действительно буду чувствовать нехватку, я напишу вам

Ну, теперь перейдем от "базиса" к "надстройке" — от матери к духу, сиречь от "штанов" к "книгам". Увы вам! Керадостинию все-таки пишу я вам о вашем самом младшем сыне: он являлся негодяем. Посудите сами: учебник гармонии мне с очень большим трудом даётся. Спотыкаюсь о какую-нибудь деталь, об'яснить некому, — и вот тяжёлая цепочка непонимания. Это, конечно, совершенно нормально (беру свои слова о "негодяе" образно), но однако-же это досадно. Попытаюсь, конечно, разъяснять цепочку, но не уверяю окончательно в том, что я правильно разъясняю её, что разъясню всю её до конца. Но тогда некуда? Я и до так думаю. Мы прав, конечно, мама, — когда говорим, что как философам, как философиям всё-же дана кое-что положительной науке, так и полное теоретическое изучение музыки внешне мне помешает в области музыки. Но я до сих пор внутренне существо по привычке, и если хочешь, — методологического порядка: в то время, как эмпирическая философия была отвлечённой научной мыслью, — философия, не выходящая за рамки, общие всяким наукам, как таковым: рамки мышления, теоретизирования, пусть даже подкреплённых эмпирическими данными, — в то-же время полное изучение теории музыки неминуемо влечёт музыкальную практику. Короче: как эмпирическая философия отбрасывалась всё-же частью философии, — так и теория музыки, до сих пор остаётся всё-же частью музыки. Отрывая теорию (в сознательном и во времени) от содержания музыки, — я делаю нечто невозможным самое её изучение; во всяком-же случае, я неуместно затрудняю таковое. Мы сомневаемся? Поэтому, дорогие мои, ни я не возлагаю особых надежд на это изучение, ни вам не советую делать это. Попробуйте — увидите.

Да, седьмого числа я саровадал второй год, и всецело ушел. Убого, и это не плохо. Кой-какие ноты в итоге всё-же есть. Вас, может быть, покоробит мой манер считать убого, но вот размеры: 4го числа я написал 80-ую книжечку по экономике. В ваше время, вероятно, дело решалось не количеством; может быть, одна серьёзная книжечка, прочитанная — или, лучше сказать, прочитанная — как следует, по страничке в день, с углублением во все стороны основной мысли — может быть такая книга давала столько, сколько не дадут мне все эти 81 книж. Я даже думаю, что это так и есть. Но что подумаете? Мы живем в иное время, у нас иная жизнь и интеллектуальная конституция, у нас, далее, иные задачи, иной подход к книжечке. Даже самая цель нашего чтения — другая, конкретная, как та, которую ставили себе люди шестидесятых, а семидесятых ~~и~~ и девяностых

2805. Лотиз, очень мучает мысль, что я как-то обобщаю всё это, и дело просто решается индивидуальными моими отношениями к книге, времени и шкатулке времени, — ведь я никогда не мог протравить способностью садиться над книгой и вписывать ее в себя. Мучает мысль, потому что мне и нравится ^{всему} читать десятками книг сразу. Но если отвлечься от этого, всё же ясно, что огромный след остается. А затем — в процессе себя скрадывается именно то, что должно скрадываться — время. В этот, надо думать, самый правдивый правда. Между прочими книжками, я пишу сейчас маленькую повесть Валеры "Панеминистство к Бейховену". В Валере много незаурядных моментов, в частности — безумств. Лотиз, он же погрел в конечном результате, — как вы полагаете?

Об остальных книжках — не пишу, оно не утверждает никаких почти изменений. Я так расцеливаю дело, что утону "делаю" всю "сурьезную" часть — Карлу-Марку, и прочие "капиталистические" вещи, а другие оставлю, в порядке убывающей широты и возрастающей замкнутости (отсюда зарисовка "образной пропорциональности", но мне следны его логические выводы, они меня изобличают). А нас уже убеждает "граждение" весны. Как вы — там же? А техника? Бедная Одессочка, она за эту зиму утратила "наштримале": галереи были полны сведениями о Бейховену, а теперь на берегах Чёрного моря. Как и всякую красавицу, Одессу очень окружают дурные старости и стылковости.

Ну, будьте здоровы и богаты. Пожелай себе всем родным и родственникам.

Зенко целую вас
Ваш Валер

От Льва, конечно соответствующее количество
друзей и поцелуев!

Да, забыл: т.к. книга у меня уже использована (помучил от вас 2 письма и отпавшим вами — с этим — точнее два, гадать и с Бейховену), то следующее мое письмо будет — и само напишет раньше начала след. письма. Знаю это, не беспокоюсь пережить в перемене.

Широко, охоту в охотном месте похороше это.